

ператоров”³¹, т.е. к классической схеме фемной военной организации, был исключен полностью.

Мы заканчиваем. Гипотеза Дж. Дэнниса о новой атрибуции “*De velitatione bellica*” перерастает рамки частного предположения, затрагивающего лишь отдельные элементы проблематики трактата. Решение данного вопроса в позитивном смысле означало бы существенную переоценку информационного потенциала сочинения, придание ему дополнительной масштабности и репрезентативности, заметное повышение его общего статуса в традиции памятников военной литературы. В свою очередь, само это решение может быть найдено лишь на путях нового критического переосмысления всего комплекса проблем “*De velitatione bellica*”, а здесь, как мы видели, еще ощущается необходимость в дополнительной аргументации, способной снять возникающие вопросы³². Но в любом случае уже сам факт выдвижения плодотворной научной гипотезы, стимулирующей новые направления научного поиска, следует расценивать как несомненный успех исследователя, делающий честь его творческому потенциалу.

³¹ *De vel. bell.* XIX. P. 240, 21–22.

³² Ограниченный объем настоящей статьи вынуждает нас полностью обойти вопрос о принадлежности автору “*De velitatione bellica*” еще одного военно-исторического сочинения, условно именуемого “*De militari*” (новейшее изд.: *Three Byzantine Military Treatises*. P. 241 sq.). Этот вопрос являлся дискуссионным на протяжении многих десятилетий; в издании Ж. Дагрона он решен в позитивном смысле (*Le traité sur la guérilla*. P. 160, 171 sq.). Не имея сейчас возможности аргументированно разъяснить собственную позицию по данному спорному вопросу, мы намерены специально обратиться к нему в ближайшем будущем.